

А. С. Голенцов, О. Д. Дашевская

НАДГРОБИЕ ВОИНА С ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ

Летом 1979 г. при раскопках некрополя, относящегося к греко-скифскому Кульчукскому городищу (Северо-Западный Крым)¹, была найдена античная надгробная стела. Условия ее находки необычны: она оказалась в забутовке одной из пяти глубоких могил-кенотафов, устроенных по краям кромлеха под курганной насыпью².

Сохранилась верхняя половина стелы, вытесанной из мпанкового известняка (рис. 1 и 2). Размеры: высота 92 см, ширина сверху 32 см, внизу 35 см, толщина, соответственно, 16,5 и 17,5 см. Стела увенчана профилированным карнизом с тремя антефиксами. При этом «шуба» не удалена, так что верхушка камня осталась недоработанной; боковые стороны карниза сбиты. (Рис. 1 см. вклейку, стр. 69).

В верхней части лицевой стороны плиты на 12 см ниже карниза вырезана греческая надпись в две строки. Высота букв 2 см (O и Θ 1,5 см). Во второй строке первая буква повреждена одним из углублений, образовавшихся в результате выветривания известняка, а предпоследняя совсем сбита. Обе строки начинаются и заканчиваются на равных расстояниях от краев плиты. Первые шесть букв каждого слова помещены друг под другом, что напоминает манеру стойхедон, но вертикальные оси букв не везде совпадают.

Παρθέλιος	Парфений,
Συρίσκου.	сын Сирика.

Отсутствие апексов на концах букв, равносторонний треугольник Α, П с короткой правой гаской и не выходящей за ее пределы горизонталью, широко расставленные гаски у Σ и Υ — все эти особенности шрифта позволяют датировать надпись концом IV в. до н. э.

Имя и патронимик, начертанные на стеле, известны в греческой ономастике. Παρθέλιος — теофорное имя, восходящее к богине Деве (Парфенос). Существует мнение, что имена, производные от Παρθέλιος, бытовали только в Северном Причерноморье, где их источником был Херсо-

¹ О. Д. Д а ш е в с к а я, Первые исследования Кульчукского некрополя, СА, 1978, № 3.

² О н а ж е, Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции, АО 1979, М., 1980. Стела хранится в Евпаторийском краеведческом музее.

Рис. 1. Стела из Кульчукского кургана

Рис. 2. Стела из Кульчукского кургана.
Прорись

F. Vechtel, Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit, Halle, 1917, стр. 529.

⁵ IOSPE, I², 403A; Соломоник, ук. соч., № 111, 181.

⁶ Близ Керчи было найдено граффито первой половины IV в. до н. э. с именем Парфений. E. W. Diehl, Defixionum ostraca duo, «Acta Universitatis Latviensis», Riga, 1923, стр. 225 сл.; Н. И. Новосадский, Две древнегреческие керамические надписи, найденные на юге России, Тр. РАНИОН, т. I, 1926, стр. 45 сл.

⁷ Соломоник, ук. соч., стр. 262.

⁸ Vechtel, Fick, ук. соч., стр. 343; IG, XII, 9, 482; VII, 1404; L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 324, § 742. О происхождении сходных имен см. также Соломоник, ук. соч., стр. 267.

нес — место особого почитания этой богини³. Однако имя Парфений встречалось и в различных областях Греции, будучи там связано с культом Афины и Артемиды⁴. В Херсонесе же оно засвидетельствовано трижды, причем в двух надписях, датируемых III и III—II вв. до н. э., первый слог интересующего нас имени восстановлен, и лишь в декрете II в. н. э. оно сохранилось полностью⁵, так что публикуемая нами надпись для Херсонеса оказывается всего второй, где данное имя абсолютно достоверно. Кульчукский Парфений является одним из самых ранних известных в Северном Причерноморье носителей этого имени⁶. Поскольку теофорные имена давали в месяцы и праздники, посвященные определенным богам⁷, мы получаем дополнительное свидетельство о культе Девы в IV в. до н. э., но здесь правильнее будет говорить вообще о Херсонесе или Херсонесском государстве, а не специально о его хоре, куда наш Парфений мог переселиться уже взрослым.

Имя Συρίσκος, вопрос о происхождении которого, как и ряда других имен того же корня, от этника остается спорным, было зафиксировано в Перинфе и Эретрии, а в женской форме Συρίσκα — в Танагре⁸. В Северном Причер-

³ С. Я. Лурье, Культ матери и девы в Боспорском царстве, ВДИ, 1948, № 3, стр. 206; Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1973, стр. 198, 262.

⁴ W. Pape, G. E. Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1884, s. v.; F. Vechtel, A. Fick, Die griechischen Personennamen, Göttingen, 1894, стр. 230;

номорье оно встречено в трех ольвийских надписях рубежа V—IV, конца IV и II в. до н. э.⁹ в херсонесском декрете о почестях историку Сириску конца III в. до н. э.¹⁰, а также представлено среди херсонесских магистратов на монетах первого десятилетия III в. до н. э. и астиномов на амфорных клеймах конца III или начала II в. до н. э.¹¹ Таким образом, и здесь мы приобретаем факт наиболее раннего бытования рассматриваемого имени в Херсонесе, причем и это имя принадлежит к числу распространенных там.

Под надписью в рельефе изображено оружие: слева — меч с брусковидным навершием, без перекрестия, в ножнах, в наклонном положении, справа — сложный лук скифского типа, заходящий нижней частью на меч. Тетива лука не видна: возможно, она была обозначена краской. Рельеф несколько поврежден: конец меча утрачен вместе с нижней половиной стелы, частично сбиты рукоять и навершие меча, а также нижний конец лука. Судя по длине лука — 65 см, изображение сделано в натуральную величину: для скифского лука считается обычной длина 60—70 см¹². Размеры меча также близки к натуральному. Сохранившаяся длина его 0,46 м, а полная, согласно месту на стеле, могла быть примерно на 10 см больше, что соответствует обычным размерам такого типа мечей, распространенных в IV—III вв. до н. э. у синдо-меотских племен¹³.

По своим пропорциям (постепенное сужение кверху, причем полная высота стелы должна была достигать около 1,6 м), архитектурному оформлению (внизу можно предполагать профилированный цоколь с шипом для крепления) и композиции рельефа наша находка близка херсонесским воинским надгробиям IV—III вв. до н. э., особенно хорошо представленным в известном собрании из башни Зенона¹⁴. Подобные плиты с изображением оружия¹⁵ служили памятниками зрелым воинам, тогда как в случае гибели юноши-атлета на могильном камне высекали стригиль и арибалл, а стариков сопровождало изображение посоха¹⁶. Именно для мужских надгробий в Херсонесе наиболее характерно завершение карниза антефиксами, в то время как женским скорее присущи фронтоны или акротерии¹⁷. Херсонесские стелы с уцелевшими антефиксами почти все

⁹ А. А. Белецкий, Три эпитафических памятника, «Новейшие открытия советских археологов». Тезисы докладов конференции, II, Киев, 1975, стр. 91; IOSPE, I², 201, II, 26; А. А. Белецкий, Греческая надпись на базе статуи из Ольвии, ВДИ, 1955, № 2, стр. 138; ср. НО, 71, прав., стк. 9; Т. Н. Кипович, Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпитафических источников, МИА, 50, 1956, стр. 130 сл.

¹⁰ IOSPE, I², 344; М. И. Ростовцев, Сириск — историк Херсонеса Таврического, ЖМНП, новая серия, ч. LVI, 1915, апрель.

¹¹ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, стр. 149; В. А. Анوخин, Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, стр. 26, 139; Р. Б. Ахмеров, Об астиномых клеймах эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1949, № 4, стр. 121, № 104; В. Н. Даниленко, Пропанография Херсонеса IV—II вв. до н. э., АДСВ, 4, 1966, стр. 164, № 254; Б. Ю. Михлин, К изучению херсонесских керамических клейм, ВДИ, 1979, № 2, стр. 145, № 17.

¹² А. И. Мелюкова, Вооружение скифов, САИ, Д 1—4, 1964, стр. 14 сл., табл. 3 и 4.

¹³ К. Ф. Смирнов, Меотский могильник у станицы Пашковской, МИА, 64, 1958, стр. 304, 305, рис. 5, 6; 8, 10, 9, 14; он же, О мечах синдо-меотского типа, КСИА, 162, 1980.

¹⁴ Л. Г. Колесникова, Стелы с изображением оружия, СХМ, II, 1961; она же, Воинские надгробия, СХМ, IV, 1969; В. Н. Даниленко, Опыт реконструкции херсонесского надгробия, АДСВ, 2, 1963.

¹⁵ Гвоздь, на котором висело оружие, мог быть показан краской. См. Колесникова, Воинские надгробия, стр. 53, прим. 9.

¹⁶ Л. Г. Колесникова, Спорт в античном Херсонесе, Л., 1964, стр. 6; В. Н. Даниленко, Надгробные стелы, СХМ, IV, 1969, стр. 41 сл.

¹⁷ Даниленко, Надгробные стелы, стр. 43.

датируются по надписям на них III в. до н. э. Важные для нас исключения представляют стелы Пармия и Гадеи, сочетающие в себе антефиксы и шрифт IV в. до н. э.¹⁸

Однако, не говоря о таких деталях, как отсутствие розеток, украшающих большинство подобных херсонесских стел, обратим внимание на уникальные особенности кульчукского надгробия. Во-первых, здесь изображен лук, на стелах же из Херсонеса меч пересекается в одном варианте с портупеей, в другом — с портупеей и ковриком, ниспадающим со щита¹⁹. Во-вторых, на стеле Парфения мы неожиданно встречаем меч синдромотского типа, тогда как меч херсонесских стел — это греческий ксифос.

Итак, публикуемая стела является новым вариантом херсонесских воинских надгробий. Изображенное на ней оружие, надо полагать, отражает специфику снаряжения воина херсонесской хоры. Любопытно, что наиболее близкое к кульчукскому и совпадающее с ним по времени изображение лука, без горита, имеется на статуе скифа, найденной в том же Черноморском районе Крыма²⁰. О применении лука в войске самого Херсонеса классического и эллинистического времени у нас нет никаких данных; лишь от I в. н. э. дошло изображение лука в горите среди прочих доспехов на необычного типа стеле протархонта Газурия, сына Метродора²¹. Если употребление скифского акинака греческими воинами Боспора и Ольвии известно по находкам²², то в Херсонесе варварский тип меча вообще не засвидетельствован. Таким образом, кульчукский рельеф может использоваться как новый источник по военному делу Херсонесского государства.

Кульчукская стела Парфения, сына Сирикса, интересна и как наиболее ранняя находка на побережье Тарханкута, говорящая не только о распространении херсонесского влияния, но и о переселении сюда херсонеситов. Это — второе греческое надгробие с надписью в Северо-Западном Крыму после стелы Амбатии, дочери Геродота, из некрополя Керкинитиды. Стела Амбатии, одновременная публикуемой, также принадлежит к числу надгробий херсонесского типа в виде высоких и узких плит²³. Она отличается от нашей характерными для женских памятников атрибутами (погребальная лента с алабастром), выполненными росписью, и завершающим плитку, тоже свойственным, как уже говорилось, надгробиям женщин, акротерием с расписным анфемием. Отсутствие этника покойных в обеих эпитафиях свидетельствует о том, что эти памятники принадлежали жителям единого Херсонесского государства, включившего в свою территорию к тому времени северо-западное побережье Крыма.

¹⁸ IOSPE, I², 711, 712; К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса Таврического, ч. II, ХСб, II, 1927, стр. 54, рис. 54; «Античная скульптура Херсонеса», Киев, 1976, стр. 69, 74, № 164, 189.

¹⁹ Наша находка еще раз показывает ошибочность прежней трактовки изображения портупей на херсонесских стелах как лука: G. Kieseritzky, S. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, стр. 6, № 47.

²⁰ П. Н. Шульц, Скифские изваяния Причерноморья, «Античное общество», М., 1967, стр. 233 сл., рис. 8; он же, Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка», «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 329, рис. 2, 2.

²¹ В. В. Латышев, Надписи из Херсонеса Таврического, МАР, 17, 1895, стр. 12, № 9; IOSPE, IV, 105; В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 79, рис. 64; Г. И. Солов, Античное Причерноморье, Л., 1973, № 157.

²² Н. И. Сокольский, Боспорские мечи, МИА, 33, 1954, стр. 128 сл.; Блаватский, ук. соч., стр. 78 сл.

²³ В. В. Латышев, Эпиграфические находки 1901—1903 годов, ИАК, 10, 1904, стр. 18—20; IOSPE, I², 339; Н. А. Щеглов, Северо-Западный Крым в античную эпоху, Л., 1978, стр. 44, рис. 14 и 15.

В некрополе Керкинитиды был найден фрагмент еще одной подобной стелы с акротерием, не сохранившей надписи²⁴. Отметим также незначительный обломок плиты (базы антропоморфного надгробия?) из Панского некрополя, где характер надписи (четырёхстрочной, III в. до н. э.) ввиду ее отрывочности остался неясным²⁵. Здесь для нас в качестве параллели скорее интересен сам факт вторичного использования греческой плиты с надписью в обкладке варварской могилы-кенотафа.

В курганном комплексе, где найдена стела Парфения, оказалось и несколько вторично использованных антропоморфных надгробий (одно целое, четыре фрагмента и три базы), типичных только для Херсонеса IV—III вв. до н. э.²⁶ и представленных также на его хоре, в частности — в том же Кульчукском некрополе и в упомянутом выше кургане-кенотафе Панского могильника²⁷.

То обстоятельство, что Кульчукскому городищу в IV—III вв. до н. э. сопутствовал греческий некрополь с надмогильными памятниками, изготовленными по херсонесским канонам, указывает не только на теснейшую связь данного поселения с Херсонесом, но и на значительность его. Это вполне согласуется как с размерами городища, так и с результатами небольших пока раскопок, выявивших там античную многобашенную систему фортификации²⁸. Очевидно, в начале II в. до н. э., т. е. сразу же после захвата этой территории скифами, греческие могилы были разорены, а надгробные стелы использованы, в частности, наряду с простыми камнями в забутовке кенотафов.

Нельзя игнорировать тот факт, что в Херсонесе в первой половине II в. до н. э. произошло разорение греческого некрополя самими же греками, использовавшими надгробные плиты IV—III вв. до н. э. как отличный строительный материал для внутренней облицовки башни. Эти действия связывают с угрозой нападения скифов на Херсонес, когда грекам пришлось в спешке вести оборонительные работы²⁹. Известны и аналогичные случаи из истории греческой метрополии, когда или опасность заставляла граждан прибегать к чрезвычайным мерам, или же по неясным для нас причинам надгробные стелы употреблялись в кладке античных оборонительных сооружений³⁰. Однако вся историческая обстановка в Севе-

²⁴ Н. Ф. Романченко, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, 25, 1907, стр. 175.

²⁵ А. Н. Щеглов, Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты, КСИА, 130, 1972, стр. 74, рис. 29, 3; Э. И. Соломонович, Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа, ИЭ, XI, 1974, стр. 39, 40, рис. 5.

²⁶ Л. Г. Колесникова, Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? СА, 1973, № 3; она же, Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса, СА, 1977, № 2.

²⁷ Дашевская, Первые исследования..., стр. 199 сл., рис. 1, 1; Щеглов, Курган-кенотаф..., стр. 74, рис. 29, 1, 2; она же, Северо-Западный Крым..., стр. 49, рис. 19.

²⁸ О. Д. Дашевская, Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму: АО 1970, М., 1971, стр. 264; она же, Первые исследования..., стр. 199.

²⁹ С. Ф. Стрелецкий, XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона), СХМ, IV, 1969, стр. 9—17; Э. И. Соломонович, Памятники с надписями, там же, стр. 55; она же, Новые эпиграфические памятники..., стр. 260; Г. Д. Белов, Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи, АСГЭ, 19, 1978, стр. 50. О включении надгробных стел в кладку других оборонительных сооружений Херсонеса, возведенных позже его основных крепостных стен, см. Э. И. Соломонович, И. А. Антонова, Надгробия врачей из античного Херсонеса, ВДИ, 1974, № 1, стр. 94.

³⁰ К. М. Колобова, Древний город Афины и его памятники, Л., 1961, стр. 84; Л. П. Маринович, Археологические открытия в Греции в 1960—1961 гг., ВДИ, 1962, № 4, стр. 150; Соломонович, Памятники с надписями, стр. 55 сл.; она же, Новые эпиграфические памятники..., стр. 260.

ро-Западном Крыму, а также конкретная цель и способ вторичного применения греческих надгробий в раскопанном нами кургане — в кенотафах, имитирующих входные колодцы позднескифских земляных склепов³¹, заставляют считать разрушителями Кульчукского некрополя IV—III вв. до н. э. скифов и видеть в публикуемом памятнике своеобразное свидетельство смены населения на хоре Херсонеса.

GRAVESTONE OF A WARRIOR FROM THE CHERSONESIAN *CHORA*

by *A. S. Golentsov, O. D. Dashevskaya*

Excavations carried on in 1979 of a necropolis belonging to the site of the Graeco-Scythian town at Kul'chuk (one of the largest ancient town site in N. W. Crimea) brought to light a grave stele (upper half). The stele was found in the rubble of one of five deep cenotaph graves dug along the edges of a cromlech under a kurgan mound, in imitation of the entry wells in late Scythian earthen tombs. At the top of the stele, under the cornice, is a Greek inscription: Παρθένιος Συρίσκου. The letter forms date the inscription at the end of the 4th century B. C. A relief below the inscription depicts a sword and a bow, life-size. The weapons are barbarian in type, 4th — 3rd centuries B.C. The name Parthenios has been found in different parts of Greece, where it is associated with cults of Athene and Artemis. In the N. Black Sea area one of its earliest use was in Chersonesus, where the goddess Παρθένος was especially revered. The name Syriskos, also known in Greece and the N. Black Sea region, occurs rather often in Chersonesus. The find at Kul'chuk shows that both names were used in Chersonesus earlier than had hitherto been known. In respect to its proportions, architectural form and composition the Kul'chuk stele has analogues in other Chersonesite warriors' gravestones of the same period. The unique feature of this stone is the depictions on it of Scythian bow and sword of the Sindo-Maeotic type, which has not been found before, not only on such gravestones, but anywhere else in Hellenistic Chersonesus, making the new find a prime source for the study of Chersonesian military techniques. In the author's opinion the Kul'chuk gravestone, together with the stele of Ambatia from Kerkititis shows that N. W. Crimea was under Chersonesian rule in the 4th century B.C. The context of the Kul'chuk find, and also the whole historical setting in N.W. Crimea, suggest that the destroyers of the Greek graves in the Kul'chuk necropolis were Scythians who seized the distant Chersonesian *chora*.

³¹ Выше 50 таких земляных склепов исследовано нами на расположенном всего в 3,5 км от Кульчука могильнике Беляуса, причем там также в забутовке входного колодца (в могиле 16) было найдено вторично использованное антропоморфное надгробие херсонесского типа. См. О. Д. Д а ш е в с к а я, Раскопки городища и могильника Беляус, АО 1972, М., 1973, стр. 277.